

Social Design Corporation
Корпорация социального дизайна

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

**Модернизация интеллектуального
класса: условия и задачи**

Москва 2005

Содержание

Резюме	3
I. Предпосылки изучения и модернизации интеллектуального класса	4
1.1. Интеллектуальный класс как схема общества	4
1.2. Натурализация интеллектуального класса	5
II. Интеллигенция: тип структуризации общества, тип принятия решений и тип коммуникации	7
2.1. Интеллигенция как тип структуризации общества	7
2.2. Интеллигенция как тип принятия решений	10
2.3. Интеллигенция как тип коммуникации	10
III. Атеоретичность: актуальное состояние интеллектуального класса	12

Доклад подготовлен авторским коллективом Некоммерческого партнерства «Корпорация социального дизайна» (КСД) в составе А.С.Ушакова (к.ф.н., научный руководитель КСД) и Д.Ю.Кралечкина (к.ф.н., председатель Научного совета КСД, руководитель философского проекта «Censura.ru») при содействии А.С.Блинова (к.ю.н., м.п.н., председатель Совета КСД) и А.В.Пилько (к.и.н., руководитель Рейтингового центра КСД) на основе реализуемого в настоящее время исследовательского проекта «Философия интеллигенции» (URL: <http://www.censura.ru/projects/intelligentsia.htm>).

© А.С.Ушаков, Д.Ю.Кралечкин, 2005

© Корпорация социального дизайна, 2005

Резюме

Настоящий аналитический доклад направлен на понимание, оптимизацию социального положения и функций важнейшей части социума – интеллектуального класса. Будучи промежуточным итогом более обширного исследования, данный доклад не только направлен на постановку проблемы и разработку методологии анализа интеллектуального класса, но и намечает возможности преодоления его кризисного положения.

«Интеллектуальный класс» – это структура создания неочевидных на данный момент точек социальной иерархии и идентификации, вокруг которых может переструктурироваться все общество в целом. Являясь «мозговым ядром» общества, в современном мире он выполняет исключительно важную роль – генератора нового. Как субъект стратегической деятельности по созданию новых смыслов общества (и/или трансформации существующих), интеллектуальный класс формирует смысловую рамку деятельности социума, оказываясь условием долгосрочной повестки дня.

Последнее обстоятельство получает особое звучание при рассмотрении особенностей интеллектуальной структуры общества в международном контексте, с учетом увеличивающейся конкуренции между странами в постиндустриальный период мирового развития, когда «экономика знаний» приобретает все большее значение. Поэтому от состояния интеллектуального класса, его качества, содержательного и политического потенциала, способности к воспроизводству и обеспечению внутренней преемственности существенно зависит стратегическое положение нации в мире. Отсутствие политического языка, ставка на политику силы и материальные ресурсы, сопутствующие снижению продуктивности интеллектуального класса, приводят к национальной незащищенности, сужению пространства международного диалога и к возможности внешнего манипулирования интересами государства и общества.

В докладе формулируется новый концептуальный подход к определению того, что представляет собой интеллектуальный класс. Наибольшее внимание уделяется отличию интеллектуального класса от традиционных «интеллектуальных функций» отдельных страт общества, его оформлению в социальном государстве и деструкции в период господства неоконсервативной критики. Перспективы и роль отечественного интеллектуального класса оцениваются через реконструкцию «интеллигенции» в ее соотношении с западным интеллектуальным классом. Выдвигается ряд критических утверждений относительно современной эволюции интеллектуального класса в целом и интеллигенции в частности, а также задаются условия их реабилитации.

I. Предпосылки изучения и модернизации интеллектуального класса

1.1. Интеллектуальный класс как схема общества

Для оценки актуального состояния, перспектив и значимости «интеллектуального класса» в России и мире необходимо четко представлять его генезис и современные тенденции развития.

Под «интеллектуальным классом» следует понимать не столько совокупность занятых «умственным трудом» (поскольку сама оппозиция умственного и физического в настоящее время не работает), сколько *«интеллектуальную схему общества»*, предполагающую, что на это общество может быть обращена социальная критика и действия, следующие из такой критики, причем она предполагает научное исследование общества, лишаящее его «природного», «традиционного» характера. «Интеллектуальный класс» – это структура создания неочевидных на данный момент точек социальной иерархии, вокруг которых общество начинает переструктурироваться.

В отличие от исполнителя простого «интеллектуального обслуживания» (затребованного многими типами обществ, даже самыми примитивными), «интеллектуальный класс» появляется тогда, когда представители «интеллектуальных» и «свободных» профессий начинают нетривиальными и неочевидными методами производить новые социальные структурировки, практики опознания и признания социальных групп/индивидов, то есть новые социальные смыслы, трансформируя принятые в социуме представления о «новом», «осмысленном», «здоровом смысле» как таковом.

Интеллектуальный класс выступает агентом неочевидной модернизации. Он генерирует площадки, на которых впоследствии появляются новые смыслы (сами смыслы в их очевидных для общества формах создаются другими субъектами – потребителями продуктов интеллектуального класса – лицами, принимающими решения, политиками, партиями, общественными организациями и т.п.).

Типичным примером можно считать появление структур «благотворительности» в условиях викторианской Британии: эти структуры, не порывая с викторианскими ценностями и социальными практиками, тем не менее, открывают принципиально новые способы различать и идентифицировать социальных агентов, группы, отклонения и т.п. Впоследствии эти способы становятся социально приемлемыми, приобретая характер «нормы», формируя некую традицию или институты (см. например: Marquand D., *Decline of the Public*, Polity Press, 2004). Интеллектуальный класс складывается именно такими действиями, получая фиксацию в XX веке.

Важнейшей методологической посылкой является понимание того, что интеллектуальный класс формируется только в тех условиях, когда общество приобретает черты *«критического общества»*, то есть когда результаты и методы критической социальной философии (в частности «критической теории»)

применяются в общегосударственных стратегиях для освоения тех «стихийных» сил, которые в противном случае могли бы привести к дестабилизации. Интеллектуальный класс получает предельное выражение в социальном государстве кейнсианского типа, поскольку именно в нем обнаруживается гомологичность действия интеллектуала, открывающего новые формы и зоны несправедливости и нестабильности, и государства, стремящегося организовать цепочку действий и решений, связанных с данными локусами. (Один из примеров структуризации интеллектуального класса – более чем вековая деятельность британского *Fabian Society*.) Такой подход радикально отличается от неоконсервативной альтернативы, означавшей начало заката интеллектуального класса.

1.2. **Натурализация интеллектуального класса**

Деструкция интеллектуального класса связана с последующей за неоконсервативной критикой «командного государства» натурализацией общества и натурализацией интеллектуала. Командное государство подвергается «упрощению» и редукции к базовым социальным принципам или инстинктам, которые не требуют отправления каких бы то ни было критических или модернизационных функций, если только они не обеспечены требованием экономической эффективности. Интеллектуал натурализуется точно так же, как и все общество, поскольку теперь он должен стать знаком универсальной «эффективности», интерпретация которой всегда не определена. Как частное следствие, возникает дискурс «функции интеллектуала», который сводится к представлению такой функции как «услуги», «идеологического обеспечения» и т.п. Примером постепенной глобальной деструкции интеллектуального класса является начавшаяся в 1970-х гг. деятельность «новых философов» во Франции, демонстрирующую всестороннюю эффективность: как в сфере философской эссеистики, так и в масс-медиа, а затем и в госуправлении.

Натурализация интеллектуала означает «падение в креатив», поскольку после подобного «падения» интеллектуалу отводится единственная роль «функции по вызову», необязательной прилипалы гомогенного технического и экономического процесса, оформляемого достаточно примитивными политическими практиками. Выпав из интеллектуального класса, интеллектуал достаточно долго продолжает жить в роли «мастера на все руки», «универсального методолога» (российский пример – эволюция идей и институциональных новаций Г.П.Щедровицкого), «коммуникатора» и т.п., однако такая роль только усиливает избыточность интеллектуала и его прикладной характер. Интеллектуал без интеллектуального класса в лучшем случае может рассчитывать на достаточно стабильное существование в рамках более или менее автономного «интеллектуального поля», исследованием динамики которой занимался в последней трети XX века П.Бурдье, однако именно автономизация и замыкание интеллектуала на проблеме дублирования господствующих форм капитала своим собственным «символическим» капиталом приводит к еще большей деструкции остаточных действий интеллектуального класса.

Проблема современного изучения и модернизации интеллектуального класса возникает в условиях провала проекта закрытия «критического общества».

Неоконсервативные стратегии и натурализация общества и интеллектуального класса не могут быть ни последовательными, ни предельно успешными. Именно этот момент предполагает исследование возможности формирования посткритического интеллектуального класса, который смог бы не только активно сопротивляться своей «креативной функции», но и модернизировать собственные традиционные практики, нацеленные на развитие всего общества, а не на партикулярное отстаивание интересов тех или иных групп.

Исследование интеллектуального класса, его эволюции и перспектив значимо не только в качестве научной задачи, но и в качестве выработки решений и стратегий для самого интеллектуального класса, то есть такое исследование носит по необходимости рефлексивный и практический характер.

II. Интеллигенция: тип структуризации общества, тип принятия решений и тип коммуникации

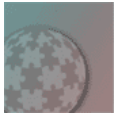
Структурирующей особенностью современного российского «интеллектуального класса» является то, что он представляет собой не какое-то *одно* образование с четкими, усвоенными и транслируемыми культурой и социумом правилами, а полем конкуренции различных определений «социально-политической функции интеллектуала» как таковой. Любые действия, направленные на формирование, реформирование или даже устранение «российского интеллектуала», должны учитывать то, что он является наследником уникального социального образования – «интеллигенции», содержание которой выходило и выходит далеко за пределы обычного представления об «интеллектуальных функциях», затребованных обществом.

В настоящее время речь должна идти о параллельных процессах практической работы с интеллектуальным классом (в той или иной стратегической перспективе) и исследования интеллигенции как дискурсивного, социального и властного феномена, несводимого к «универсальным» или «специальным» функциям интеллектуального класса, известным по европейским «аналогам». Тем не менее, интеллигенция представима в качестве схемы общества, существенными чертами близкой к схеме, заданной западным интеллектуальным классом.

2.1. Интеллигенция как тип структуризации общества

Интеллигенция как специфическая схема общества определена (1) встраиванием интеллигенции в коммунистическую транзитологию, (2) расщеплением дискурса власти, декларативно стремящегося к собственному устранению, (3) превращением интеллигенции в универсального рефлексивного агента социальных трансформаций и социального риска.

Анализ интеллигенции предполагает, что она является единственным «классом» (или социальной группой), для которого его социальное положение, как и структура всего общества, всегда оказывается под вопросом. Хотя исторически интеллигенция формируется как следствие вполне объективируемых процессов (относящихся к развитию индустриального общества в России), она очень быстро становится противоречивым образованием, идеологию и субъективность которого невозможно вывести за пределы чисто социологического описания. Интеллигенция всегда выражает обнаруживаемое не только в габитусах своих представителей, но и в эволюции всей области «интеллектуальной работы» желание трансформации, истолковываемое как стремление «вернуться», «решить» и т.п., и в то же время она структурно не способна на возвращение к «доинтеллигентскому» (натуральному и самоочевидному) социальному статусу. Интеллигенция становится рефлексией любого социального движения, любой социальной трансформации (будь она революцией или реформой), хотя она и не имеет никаких оснований для представления себя в качестве единственного или преимущественного агента таких трансформаций. «Интеллигенция как рефлексивный агент» предполагает, что, даже не будучи «силой» социальных

изменений, интеллигенция является их структурным условием (интеллигенция, например, всегда оказывается голосом любой «объективной» необходимости, без которого такая необходимость социально не фиксируется) и одновременно условием наделения их смыслом.

Союз интеллигенции и марксизма (особенно «легального») надолго связывает интеллигенцию как класс обобщенной социальной трансформации и марксистское представление о рациональной трансформации общества путем освоения его стихийных сил. Интеллигенция не является агентом революций, однако она оказывается более революционной, чем, например, «пролетариат», поскольку она способна каждый раз отступать от «революционного события», представляющегося ей в качестве архаического остатка самой марксистской теории (так можно прочесть феномен «меньшевизма»). Интеллигенты отказывают любой «волютаристской» легитимации изменений (например, «перевороту»), каждый раз сдвигая параметры «трансформаций», что извне выглядит как неснимаемая «нерешительность» интеллигенции.

Советская интеллигенция уникальна тем, что она стремилась к *распространению* интеллигенции по всему обществу, представлению самой себя в качестве теории общества. В этом отношении она отличается от класса «интеллектуалов». Зачем нужно такое распространение, в котором интеллигентом может быть и академик, и чернорабочий? Единство «интеллигенции» должно послужить презентацией истины бесклассового общества в обществе по-прежнему классовом (хотя классы и могут меняться). Интеллигенция своей собственной структурой должна продемонстрировать в социалистическом обществе марксистский тезис о конечном устранении отчужденного, то есть фиксированного и социального закрепленного за каждым индивидуумом, труда. Эта отчужденность демонстративно снимается за счет пустой общности интеллигентов (интеллигенция как «общее место» всего общества). Интеллигентом может быть кто угодно так же, как при коммунизме каждый может быть кем угодно из советских интеллигентов (врачом, строителем – причем каждый раз по-новому). Интеллигенция – это не класс, а «один коммунист», который в социализме был возможен только в такой распределенной по многим индивидам форме. Иными словами, интеллигенция оказывается методологией коммунистической транзитологии. Одновременно интеллигенция противоречивым, но необходимым образом представляется в качестве еще одного, дополнительного класса, возмущающего упорядоченную структуру социалистического общества. Как следствие, интеллигенция тяготеет к отрицанию интеллектуальной «специализации», стиранию интенционального отношения к знанию (интеллигент никогда не отождествляет самого себя со своими занятиями и знаниями, он «имеет» знания, но, в принципе, мог бы легко иметь и другие). Интеллигенция имеет капитал знаний, однако не стремится его использовать, поэтому отношения власти к интеллигенции принимают форму террора: власть должна добиться от интеллигенции более утилитаристского отношения к собственным знаниям.

Важнейшим эффектом структуризации советской интеллигенции как схемы общества является демонтаж функциональной интерпретации общества путем отрицания функционального контекста. Под таким отрицанием имеется в виду

представление обычных социальных функций не в качестве производных социального развития, а в качестве багажа «человеческих занятий» или форм неотчужденного, самосовершенствующегося и в принципе ненужного труда. Все обычные функциональные роли социальных агентов интеллигенцией фиксируются в качестве лишь примеров того, чем может заниматься интеллигент, то есть они выводятся из своего социального контекста за счет представления в качестве «внешнего и ненужного» выражения интеллигенции. Интеллигенция «коллекционирует» обычные социальные роли в качестве запаса собственного выражения, лишая их экономического или социального обоснования.

Такая работа интеллигенции жестко связана с советской трансформацией дискурса власти. Интеллигенция покрывает все общество, но именно в той мере, в какой дискурс власти в советское время предполагает возможность ее собственной «эсхатологической» отмены, поскольку эта власть в собственном дискурсе всегда апеллирует к своему устранению (какова бы ни была ее практика). То есть интеллигенция и ее распространение служат «временным», «переходным» представлением будущего безвластного общества в обществе предельной и недискурсивной власти. Интеллигенция соглашается с тем, что власть «организует» общество в виде функционального контекста, однако отказывается от того, что это действие власти всегда остается успешным и целерациональным. Поскольку действительная власть отказывается от собственной легитимации рациональностью, интеллигенция получает возможность приписывать власти действия, которые эту власть подрывают, предполагая, что управленческие и формирующие действия власти всегда имеют нерационализируемый в терминах самой власти остаток, который как раз и представляется в виде интеллигенции. Иными словами, интеллигенция на практике утверждает, что власть всегда в пределе делает не то, что «нужно власти», поскольку последняя не может дать отчет в том, что ей нужно.

Все эти фундаментальные характеристики интеллигенции проявляются в условиях «реформ»: интеллигенция в России, в отличие от восточноевропейской интеллигенции, не столько выходит из подполья, сколько возвращается к своей работе универсального социального агента трансформаций, не слишком озабоченного их дискурсом или направлением. Интеллигенция была и осталась в этих реформах носителем социального риска, всегда изменяющим направление актуального движения, но не определяющим достижимых пунктов завершения реформ. Деструкция специализации не позволяет интеллигенции стать всего лишь «экспертным сообществом», поскольку она ставит цели, несовместимые с простым консультированием, возможным только в достаточно стабильном контексте. Та же самая «радикальность» отечественной интеллигенции делает ее абсолютно незащитной перед внешним манипулированием и прививкой достаточно элементарных социальных логик (например, либеральных), поскольку сама интеллигенция уже в принципе не может иметь какого бы то ни было дискурсивного иммунитета.

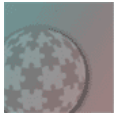
2.2. Интеллигенция как тип принятия решений

Распределенные по обществу действия интеллигенции приводят к тому, что общество как таковое расщепляется на множество отдельных функций, представляемых вне реальных изменяющихся во времени функциональных связей. В этом процессе возникает, например, феномен «бюрократии», с которым предлагается бороться, применяя те самые принципы («прозрачность», «эффективность», «рациональность»), которые всегда были контекстом функционирования и оформления бюрократии. В результате интеллигенция исключает такие политические и социальные решения, которые бы требовали коммуникации и взаимодействия различных социальных групп, поскольку эти группы всегда представляются интеллигенцией всего лишь в виде случайных воплощений социальных функций – произвольных и в то же время натурализованных. То есть интеллигенция воспроизводит «властную» схему принятия решений, реализующуюся в условиях отсутствия общества, которое было бы заинтересовано в этих решениях. На обоих концах процесса выработки решения формируются агенты, которые не заинтересованы в них и не могут дать в них отчет: с одной стороны, это власть силы, эффективность которой интерпретируется интеллигенцией как сопротивление любому дискурсу (то есть это власть всегда неразумных, неповторяющихся и неоправданных решений), а с другой стороны – общество как чистый и равнодушный материал этих решений. В подобной ситуации интеллигенция занимает позицию молчаливого и некоммуницирующего «голоса универсального», который, естественно, тяготеет к прямому присвоению власти.

Ситуация общения «избранного интеллигента» с «властью», пытающегося решить проблему ступора выработки решений, имеет классический пример в деятельности Д.С.Лихачева, пользующегося возможностью оказывать непубличное и весьма значимое влияние на ряд решений государственного уровня. Такие действия, не решая созданной самой интеллигенцией ситуации, вполне поддерживаются интеллигентской теорией «специалиста», который всегда существует в единственном числе, как уникальный экземпляр в интеллигентской коллекции социальных функций. Хотя реально такие специалисты существовать не могут, в области политики и гуманитарных наук каждый интеллигент стремился к такой уникальной позиции недискурсивного специалиста, достаточно противоречивым образом оправданной самой логикой «специализации». В результате специалист выступает в качестве элемента отмены социального дискурса в целом, поскольку его решения не требуют обсуждения и даже оглашения – они должны непосредственно воплощаться в решениях без какого бы то ни было процесса интерпретации.

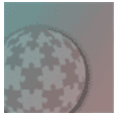
2.3. Интеллигенция как тип коммуникации

Распределенная и темпоральная логика работы интеллигенции в обществе задала не только гиперфункциональный распад коммуникативных связей, но и специфическую ситуацию коммуникации «авторов без текста». Интеллигенция представляется в качестве противоречивого воплощения базового или будущего социального события (например, «коммунизма»), что накладывает запрет на «нормальное» культурное производство. Эквивалентом собственной структуры

интеллекции как способа представления социальной истины в обществе, не более истинном чем все остальные, является некое «абсолютное творчество», которое не зависит от усилий творца. Интеллекция разорвана этим интериоризированным требованием абсолютного творчества, уникального и некоммуницируемого, и необходимостью в обычной практике всего лишь «исполнять» свои функции, которые унижаются именно потому, что они не имеют отношения к «сущности» интеллекции. В результате реальная коммуникация интеллекции строится как коммуникация «авторов в себе», практики которых могут варьировать от более или менее откровенных компиляций до полного отказа от какой бы то ни было «символической» деятельности. Интеллекция не порождает новые смыслы именно потому, что существует в ожидании «большого смысла», который в принципе не имеет отношения к коммуникации. Иными словами, интеллекция маскирует тот факт, что смысл всегда является коммуницируемым, более того, она маскирует то, что задача интеллектуального класса – порождение новых способов коммуницирования смыслов.

В результате, с одной стороны, общественная коммуникация приобретает все более естественный характер (социальные агенты приравниваются к физическим, то есть их коммуникация сводится к взаимодействию разных качеств или параметров, отсюда возникает роль прикладной социологии, алибиизирующей такое отсутствие коммуникации представлением о более «фундаментальных» процессах, фиксируемых, например, в «общественном мнении»), а с другой – множатся знаки успешной коммуникации, в том числе в научной сфере. Последнее обосновано именно тем, что сфера «творчества» позиционирована интеллекцией как нечто абсолютно ей внешнее, стихийное, не подлежащее обработке и манипулированию, тогда как на долю этого последнего остается произвольная работа со знаками культуры. Интеллекция собственным абсолютным авторством развязывает себе руки в области культурных симуляций, поскольку она не может отнести к ним как к «делу», социально и политически значимому (все значимое вынесено в персоналистический регион «истинного события», «большого смысла» и т.п.). Итогом является эффект культурного и политического изобилия, который однако по каким-то загадочным причинам не «срабатывает». Загадка однако именно в структуре коммуникации смыслов, а не в их непосредственном «качестве».

III. Атеоретичность: актуальное состояние интеллектуального класса

Падение интеллектуала в креатив и внутренняя динамика российской интеллигенции совпадают в том, что в результате устраняется теоретический план действия интеллектуального класса. В настоящее время российская интеллигенция присвоена модернизационными логиками либерального типа, то есть интеллигенция оказалась не менее пригодной для «креативности», нежели западные интеллектуалы. Современный интеллигент все меньше отличается от креативщика, поскольку эта роль как нельзя лучше ложится на интеллигентскую «политику авторства», предполагающую, что любое действие интеллигенции ограничено временными случайными поделками, усовершенствованиями и т.п. От интеллектуала и интеллигента требуются простые, доходчивые, «креативные» решения и описания реальности, которые креативны настолько, насколько они удобопонятны. Код креативности одновременно оказывается кодом атеоретичности, поскольку он не создает условий для теоретического движения и социальной критики именно по причине своей изобретательности, «неофилии», не позволяющей работать с более широкими и долгосрочными контекстами знаний.

В результате в сфере гуманитарных наук, в которой роль теории более проблематична и сложна, чем в науках естественных, закрепляется представление о необходимости их непрямого, прикладного использования. Например, лингвистика имеет в подобной ситуации ценность лишь потому, что она может применяться копирайтерами. Сопrotивление автономного научного поля и институций таким практикам недостаточно и недолговременно, поскольку научные институции вполне успешно присваиваются внешними логиками «эффективности» и «конкурентоспособности». Атеоретичность становится условием внутренней эффективности научных институций, поскольку именно она позволяет достаточно быстро реорганизовывать внутреннюю структуру университетов и научных центров, открывать и закрывать факультеты и отделения, осваивать полученные гранты и стипендии, приобретать, наконец, контакты с зарубежьем и т.д. Все это свидетельствует о деструкции интеллектуального класса, проходящей в условиях видимого расцвета креативности, эффективности и рациональности.

Исследование возможностей формирования и модернизации интеллектуального класса необходимо в силу того, что тенденция устранения интеллектуала не только не может быть реализована до конца, но и противоречит глубинным интересам общества и его развития, то есть развития в сфере открытия новых социальных смыслов и дивергенции социальных связей. В более общем контексте превращение интеллектуала в креативщика оправдывается «постиндустриальным» или «информационным» обществом, в котором интеллектуал приравнивается «интеллектуальному сотруднику», воображаемая, хотя и не достигаемая вершина которого – топ-менеджмент.

Уже обнаружившие себя проблемы «революции менеджеров» в странах Запада указывают на критический контекст трансформации интеллектуального класса в

класс универсальных управленцев-изобретателей, поскольку такая трансформация реализуется только в условиях достаточно серьезного сужения горизонта социума в целом, выбора безальтернативных линий развития и снижения эффективности неслужебных и нетехнических, а политических в исходном смысле этого слова коммуникаций.

Все это, как и ряд конкурентных тенденций в сфере «интеллектуального класса», свидетельствует не только о необходимости реконструкции истории, генезиса и ролей последнего, но и о неотложности выработки стратегических и практических решений, относящихся к российскому интеллектуальному классу. Эти решения, как мы уже отметили, должны носить по необходимости рефлексивный характер: интеллектуальному классу еще предстоит разобраться с многочисленными дискурсивными и силовыми практиками собственного устранения, что является условием реабилитации критического и критически действующего, то есть интеллектуала, действительно создающего новое.

Доклад подготовлен авторским коллективом Некоммерческого партнерства «Корпорация социального дизайна» (КСД) в составе А.С.Ушакова (к.ф.н., научный руководитель КСД) и Д.Ю.Кралечкина (к.ф.н., председатель Научного совета КСД, руководитель философского проекта «Censura.ru») при содействии А.С.Блинова (к.ю.н., м.п.н., председатель Совета КСД) и А.В.Пилько (к.и.н., руководитель Рейтингового центра КСД) на основе реализуемого в настоящее время исследовательского проекта «Философия интеллигенции» (URL: <http://www.censura.ru/projects/intelligentsia.htm>).

КОРПОРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА

тел.: + 7 (926) 207 13 30, e-mail: office@socialdesign.ru, www.socialdesign.ru